

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК ТАТАРСТАНА

Материалы

КРАЕВЕДЧЕСКИХ ЧТЕНИЙ,

посвященных

135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ,
110-летию со дня рождения М.Г. Худякова

22 – 25 марта 2004 г.

ШКОЛА

Казань
2004

УДК 908
ББК 26.89(2Рос. Тат)
К 78

Оргкомитет краеведческих чтений:

Председатель:

Г.С. Муханов, кандидат филологических наук,
генеральный директор НМ РТ,
заслуженный работник культуры РТ.

Сопредседатель:

В.Р. Назипова, кандидат исторических наук,
1-ый заместитель генерального директора
по научно-исследовательской работе.

Члены оргкомитета:

Т.К. Десяткова, ученый секретарь,

К.А. Руденко, кандидат исторических наук,
заведующий отделом археологии,

М.П. Новикова, заведующая отделом естественной истории.

Редакционная коллегия:

Г.С. Муханов, В.Р. Назипова, Л.К. Гуцина, Л.Г. Алексеева

К 78 Краеведческие чтения, посвященные 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ и 110-летию М.Г. Худякова. - Казань: РИЦ "Школа", 2004. - 484 с.

В сборник вошли материалы краеведческих чтений, состоявшихся в Национальном музее Республики Татарстан с 22 по 25 марта 2004 г. и посвященных 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ и 110-летию со дня рождения Михаила Георгиевича Худякова (1894 – 1936), археолога, историка, этнографа и музейного деятеля.

Распятие чести

К.И. Куликов,
директор Удмуртского института истории,
языка и литературы УрО РАН, д.и.н., профессор, г. Ижевск

Трагическая судьба М.Г. Худякова не может быть рассмотрена как эксклюзивное явление. Она всецело отражает характер того времени, в котором привелось жить и действовать ему и его соратникам. Поэтому мы рассмотрим ее в контексте общих и частных процессов, происходящих в то время в нашей стране. При этом в основном будем опираться на впервые публикуемые документы архива Ленинградского отделения ОГПУ-КГБ.

В 1931 г. И.В. Сталин в журнале “Пролетарская Революция” № 6 (113), напечатал статью “О некоторых вопросах истории большевизма”. В этот период одной из главных задач вождя становится необходимость подчинения общетеоретических проблем общественных, прежде всего исторических, наук партийной линии. Он стремится привести к общему знаменателю всех ученых-общественников, чтобы они мыслили, писали и издавали свои труды в нужном для Сталина и партии направлении, а непокорных - хорошо отучить или строго наказать. С момента выхода статьи Сталина в научных центрах страны разворачивается кампания исправления ошибок, выправления и осуждения всевозможных «уклонов», клеймения позором различных фракционеров. Ученых вынуждают проводить дискуссии, при которых они обвиняют своих коллег в контрабанде буржуазных идей. Бывшие соратники и друзья становятся непримиримыми врагами. Дело не ограничивается публикацией разоблачительных статей и книг. Развивается доносительство. Каждый начинает чувствовать себя обложенным со всех сторон. Многие поддаются общему психозу: если ты не донесешь, донесут на тебя. В журналах появляются казанные статьи.

В конце 1930-го - начале 1931-го года происходит разгон руководителей Ленинградского общества изучения финно-угорских народов (ЛЮ-ИКФУН). Вслед за этим разворачивается кампания по разоблачению “отступников”. В журнале “Советская этнография” (№ 1-2, 1931) появляе-

ся статья, в которой утверждается, что реорганизация, проведенная в этом обществе, “вызвала бешеное сопротивление, выразившееся в открытых выступлениях классового врага на идеологическом фронте” (С. 156). В этом же журнале была напечатана статья Марты Юльевны Пальвадре “Буржуазная финская этнография и политика финляндского фашизма” (С. 39-43). В ней утверждалось, что этнографическая наука “вполне открыто встала на службу империалистическим захватническим идеям в соседней с нами Финляндии, где некоторые общества с фашистами во главе, наравне с фашистскими организациями, сводят свою работу в основном к тому, чтобы “научно” доказать право Финляндии на обладание территорией от Ботнического залива до Новгорода и до Урала.

Начало 1930-х годов отмечено в стране возбуждением ряда уголовных дел, которые имели явную установочную основу. Иначе говоря, сначала разворачивалась “критика” или “дискуссия” на страницах печати, затем ОГПУ начинало следствие по “разоблачению и обезвреживанию антисоветской, шпионской, террористической подпольной организации”, само же доказывало виновность подследственных жертв, само же судило, выносило приговор, само же отправляло в тюрьмы или расстреливало. Так, после публикаций в печати о притязаниях Финляндии к территории СССР, уже в следующем 1931 году было возбуждено “Дело марийских федералистов”, по которому были обвинены в основном видные ученые, занимающиеся проблемами истории и марийского языка. В начале 1932 года было заведено “Дело СОФИН” (Союз освобождения финских народностей), по которому были арестованы и осуждены лучшие представители удмуртской интеллигенции, а затем - выдающиеся ученые Коми, Мордовской, Марийской республик, Коми-Пермяцкого национального округа и ученые Ленинграда. В “Обвинительном заключении” подчеркивалось, что Финляндия “создала” на территории СССР в лице интеллигенции финно-угорских народов широко разветвленную шпионскую сеть и организацию “СОФИН”, целью которой якобы было отторжение территорий финно-угорских республик к Финляндии.

Ордера на аресты видных представителей удмуртской интеллигенции были выданы заместителем председателя ОГПУ Генрихом Ягодой. В связи с длительной болезнью В. Р. Менжинского - председателя ОГПУ, Ягода (Иегода Енон Гершенович - 1891-1938) фактически в тот период был главой этого всемогущего ведомства.

Другим направлением репрессий была фабрикация дел, связанных с внутрипартийной и внутриусобной борьбой за власть. Притом сценарий был уже хорошо разработан и одинаково действовал при исполнении

других уголовных дел. Так было развернуто дело ленинградских ученых историков: Быковского С.Н., Худякова М.Г., Кипарисова Ф. В. и Адрианова В.С. (Архив КГБ СССР, Управление по Ленинградской области, Дело № 21766 в 7 томах).

Появление статьи Сталина в журнале “Пролетарская Революция” стало событием многозначительного характера, прежде всего потому, что в стране, по далеко идущему замыслу вождя, должна была развернуться новая эпоха борьбы с противниками сталинского социализма или несогласными с генеральным курсом самого вождя. Троцкий в то время был уже в изгнании, его сторонники организационно подавлены, но Сталина, очевидно, пугало то, что сочувствующих его главному политическому противнику в стране осталось еще немало. Особенно его возмутило и напугало то, что в Москве и Ленинграде во время демонстрации 7 ноября 1927 года часть участников шествия несла лозунги в защиту оппозиции. Сталин в своей статье утверждал, что “на самом деле троцкизм давно уже перестал быть фракцией коммунизма. На самом деле троцкизм есть передовой отряд контрреволюционной буржуазии, ведущей борьбу против коммунизма, против советской власти, против строительства социализма в СССР” (Ленин и Сталин о партийном строительстве. С. 604). Вождь возводил троцкизм в ранг самых страшных врагов, с которым необходимо вести непримиримую борьбу вплоть до их уничтожения. Он гневно вопрошал: “Кто дал контрреволюционной буржуазии организационное оружие в виде попыток устройства подпольных антисоветских организаций? Это оружие дали ей троцкисты, организовавшие свою собственную антибольшевистскую нелегальную группу” (Там же). Далее Сталин дал прямую установку на решительные действия: “...либерализм в отношении троцкизма, хотя и разбитого и замаскированного, есть гловотяпство, граничащее с преступлением, изменой рабочему классу. Вот почему попытки некоторых “литераторов” и “историков” протащить контрабандой в нашу литературу замаскированный троцкистский хлам должны встречать со стороны большевиков решительный отпор” (Там же).

После публикации этого письма в ГАИМК-е (Государственная академия истории материальной культуры) происходили собрания и заседания ученого совета. “За троцкистскую контрабанду” подвергся обструкции доктор исторических наук, заместитель директора института С.Н. Быковский, который сначала категорически отрицал, что в его научных трудах имеется троцкистская контрабанда, затем написал покаянное заявление, в котором признал свои ошибки. Сценарий подобной политической эквилибристики утверждался Центром как норма поведения для

всех лиц, на которых они натравливали общество и карательные органы. Пытаясь спасти свою шкуру, люди шли на такую ловушку, совершенно не подозревая о том, что их действия могут быть квалифицированы как хитрый маневр и двурушничество и они подвергнутся еще большему осуждению.

Михаил Георгиевич Худяков в этот период, очевидно, переживал самые тяжелые дни в своей жизни. Он жил в коммунальной квартире в 9 кв. метров по улице Халтурина, 12, кв. 15. Имущества у него никакого не было. Он вел скромную холостяцкую жизнь. Главной страстью и делом всей его жизни были научные занятия. После появления статьи Сталина мир как будто перевернулся. В Академии истории материальной культуры, действительным членом которой он был избран, одни за другими проходили навязанные дискуссии и разоблачительные собрания. Ученый совет ставил задачи создавать такие труды, в которых бы разоблачались различные уклонисты и враги. М.Г. Худякову, в числе других, тоже было поручено создание таких “научных трудов”. Отказ мог стоить головы, а согласие означало позор на нее. Все это понимали, но многие шли на сделку с совестью, стремились каким-нибудь образом вырваться из тушикового положения.

Михаил Георгиевич наверняка был в постоянной тревоге за свою судьбу. Он, выходя из непролетарской семьи, занимался записью удмуртского эпоса, в котором описываются столкновения удмуртов с русскими, написал несколько десятков статей о древней культуре малых народов Волго-Камья. В эпосе он не сумел отразить оптимистическую тенденцию в истории удмуртов, что противоречит современной научной, вернее, политической позиции. Любую из его работ можно повернуть так, что в итоге автор будет представлен как яркий буржуазный идеолог, “полутроцкист”, к тому же еще поддерживающий местный реакционный национализм. Очевидно, те статьи, которые Худяков писал в тот период, были направлены на то, чтобы доказать свою лояльность к власти. Он публикует статью “Финская экспансия в археологической науке” (Сб. АИМК, 1931. №11-12, с. 25-29). В ней он, подобно Марте Пальвадре, утверждает, что финская наука целиком и полностью служит буржуазии, что только “...реорганизация научных учреждений в 1929-1930 гг. раскрыла различные виды вредительства в среде научных работников и сращивание их с зарубежной буржуазией, рассчитывающей на интервенцию” (С.29). В журнале ПИДО, 1935, 9-10, с.246-248 М.Г. Худяков публикует отзыв на статью Ганса Финдензена “Общество татароведения в Казани. Из истории научной мысли в СССР”, опубликованную на немецком языке.

ке в "Zeitschrift für Ethnologie", 1933, 3-4, Berlin, 1934. С. 303-316. В нем он критикует Финдензена за клевету на советскую действительность, утверждение о том, что "в СССР пользуются признанием исключительно лишь практические науки - естествознание и техника - все же гуманитарные науки полностью ликвидированы". Отмечает, что автор выступает в защиту "свободы" науки в тот самый момент, когда из Германии изгоняются сотни ученых, а в Берлине сжигаются тысячи книг запрещенной литературы. Когда на площадях горят костры аутодафе, а в тюрьмах Германии рубят головы топорами, невыразимым цинизмом звучат лицемерные обвинения по адресу СССР в каком-то возврате к средневековью (С. 246-247). В этой же статье М.Г. Худяков допускает выпад в отношении казанского ученого **Б.Ф. Адлера**, по сути дела своего учителя, утверждая, что мыслями Адлера пронизана статья его немецкого коллеги. Худяков не мог забыть то, что именно Адлер - этнограф и географ, известный в России и Европе специалист по музейному делу, в 1919 г. пригласил 25-летнего Худякова заведовать историко-архивным отделом Казанского музея и чрезвычайно высоко отзывался о деятельности молодого ученого. Адлер в период великого перелома в советской археологии и этнологии, начала перестройки этих наук на марксистские рельсы в 1929 году попал в жестокую опалу. Редактируемый им журнал был закрыт, и можно предположить, что Худяков получил конкретное задание выступить против него публично.

Несмотря на столь верноподданные публикации, Худяков не был огражден от выпадов и в свой адрес. Важнейший его труд "Очерки истории Казанского ханства" подвергся резкой критике директора МАЭ **Н.М. Моторина**, утверждавшего, что этим трудом Худяков "подал повод к разжиганию татарского шовинизма", способствовал шовинистическим настроениям среди татарской и чувашской интеллигенции в сфере происхождения тех и других от волжских булгар...

Настоящую трагедию должен был пережить М.Г. Худяков, когда критикуемого им **С.И. Руденко** в 1929-1930 гг. объявили диссидентом и сослали на Беломорско-Балтийский канал. Он наверняка предчувствовал и свою трагическую судьбу.

Особенно тревожно стало после убийства **С.М. Кирова**, произошедшего 1 декабря 1934 года. Сотни партийных и советских работников были арестованы в последующие дни. Работники ОГПУ проявили чудеса оперативности: раскрывали один заговор за другим, одну подпольную организацию за другой. Затем начали арестовывать деятелей науки, искусства и культуры. Весной 1935 г. был арестован **Пригожин Абрам Григорьевич**.

евич, некогда стоявший на позиции троцкизма. Сначала он был осужден на 3 года в ссылку в Уфу. Но в 1936 году привезен на повторное расследование. На вторичном следствии признался: “Троцкистско-зиновьевская организация, участником которой я - Пригожин являюсь, считала необходимым устранить руководство ВКП(б) путем организации террористических актов над Сталиным в Москве и Кировым в Ленинграде. (Дело № 21766. Т. 2, л. 10). Пригожин “признается”, в том, что “с 1927 г. по день моего ареста, т.е. до конца весны 1935 г. я - Пригожин в Москве и Ленинграде вел активную троцкистскую работу по прямым директивам одного из руководителей троцкистской организации в Союзе Карла Бернардовича Радека...”.

“Директивы об организации террористического акта над Кировым в Ленинграде, - пишется далее в протоколе допроса Пригожина, - я также получил от Радека Карла (Т. 2, л. 13).» Кроме Радека, Пригожин называет многие имена к тому времени осужденных и расстрелянных, а также еще не арестованных, как троцкистско-зиновьевцы: Смильги, Белы Куна, Постышева, Каменева, Бухарина, Зайделя, Мрачковского, Тер-Ваганяна, Невского, Сафонова, Мадьяра (л. 24).

Нетрудно догадаться, что в далеко идущих замыслах вершителя судеб страны уже тогда были намечены конкретные жертвы и по линии ОГПУ даны указания, на кого готовить свидетельские показания для будущего их обвинения. Разве мог рядовой сотрудник ОГПУ самостоятельно заводить дела, пусть даже под видом показаний, на таких действующих высокопоставленных политических деятелей страны, как Бухарин, Радек и Постышев? Он должен был прекрасно понимать, что такая его самостоятельность могла стоить ему прежде всего собственной головы.

Доведенный до изнеможения Пригожин “признается”, что он “завербовал в свою организацию большое количество ученых, что “членами его контрреволюционной организации были Кипарисов Федор Васильевич - заместитель председателя ГАИМКа по научной части, в 1925 г. исключенный из партии, но восстановленный Зиновьевым, с которым поддерживал близкую связь” (Т.2, л.2). “После того, как я сделал предложение об участии в террористической группе, он заявил, что для него {это} не ново, что на эту тему у него был разговор с Быковским, у которого, по словам Кипарисова, имеется террористическая группа, из участников которой Кипарисов мне назвал Латынина и Худякова”.(Том 2, Л. 25-26).

Так в этом зловещем деле появилось имя М.Г. Худякова.

Над Худяковым и всеми ленинградскими учеными, словно гигантский черный ворон, распростер свои крылья хищный, беспощадный инк-

визитор. У каждого здравомыслящего человека мог складываться в уме вопрос: “Если карательные органы демонстрируют столь выдающиеся способности в разоблачении врагов и поимке их, почему они дожидались убийства любимца партии Кирова? Почему они не обезвредили их раньше?”. 3 августа, как гром среди ясного дня, поразила весть об аресте Сергея Николаевича **Быковского**. 16 августа был арестован **Кипарисов Федор Васильевич** - заместитель директора Государственной Академии материальной культуры по науке. Далее были арестованы муж и жена **Пальвадре** – Яков Карлович и Марта Юльевна, так много потрудившиеся на ниве разоблачения финских фашистов. Пространство вокруг Худякова сжималось, подобно шагреновой коже. Наконец, 9 сентября 1936 года ночью в его коммунальную комнатушку ворвались люди во главе с сотрудником НКВД по Ленинградской области В.Ф. Бобылевым. Таким образом появилось дело № 21766 о ленинградских историках - “врагах народа”. Последним из этой группы (5 ноября), проходящей по одному делу, был арестован научный работник Института Адрианов Василий Степанович.

Следствие, очевидно, не ограничивало себя в выборе средств психологического и физического воздействия на арестованных. Все они, по данным протоколов допроса, сначала категорически отказываются от предъявленных обвинений в создании террористической троцкистско-зиновьевской группировки. Но через несколько строк протокола допроса мы уже читаем совершенно обратное. Доведенные до критического состояния люди могли подписаться под любым обвинением, оклеветать себя и своих близких коллег в любом преступлении. На что они могли рассчитывать? На то, что на суде смогут опровергнуть все признания, добытые у них под пытками? Маловероятно, ибо они знали из печати о том, что сотни арестованных по политическим мотивам уже расстреляны. Или предпочитали смертную казнь страданиям от страшных пыток? Теперь сказать об этом никто не сможет.

Но нас интересует не только эта сторона дела. В историческом плане представляет интерес, прежде всего, на какие категории ученых-историков были направлены репрессии, кого больше всего боялась существующая власть. Интересуют также методы работы властных органов и то, до какой степени может быть доведено общество и само государство под воздействием всеобщего психоза, когда верховная власть создает репрессивную машину, как целостную систему, и поощряет ее создателей, участников и непосредственных исполнителей, натравливает их, словно дрессированных собак, на жертвы, притом совершенно не разбираясь в

том, действительно ли эти жертвы являются противниками режима или нет. Для них все это неважно: нужен эффект устрашения. Притом, чем больше будет невинных жертв - тем лучше. Тогда ни реальные, ни потенциальные враги не посмеют поднять свои головы. Только таким образом все общество можно превратить в один послушный механизм, беспрекословно исполняющий все приказы, капризы и желания Верховного Правителя. Они понимают, что самое важное при этом не смерть одного человека или группы людей, а то, что общество должно вырождаться в своих гуманистических качествах; что абсолютное большинство людей должны подвергнуться беспредельному унижению и опозорить себя, своих близких и родных клеветой на себя и на других людей; вытравить из себя такие общечеловеческие качества, как честность, порядочность, благородство и самоотверженность.

И ради чего? Ради исполнения тайных замыслов Вождя, стремящегося чужими руками уничтожить своих политических противников и втягивающего в кровавый поток сотни тысяч ни в чем неповинных людей? Или удовлетворения низменных качеств, карьеристских устремлений нижестоящих исполнителей власти, что является сопутствующим элементом главного процесса кровавых вакханалий? Вся государственная власть при этом перерождается в гигантского ракового спрута, охватившего своими метастазами-щупальцами все общество и каждого отдельно взятого человека. Эту страшную болезнь общества излечить никто не в состоянии. Эта болезнь, оказываясь, обречена развиться до такой степени, чтобы насытившись гекатомбой - бессмысленным уничтожением огромного количества людей, - начать разъедать самую себя и постепенно угасать.

Можно с вершины времени осудить М.Г. Худякова и его товарищей за то, что они наговаривали на себя и друг на друга и подписывались под навязанными им преступлениями. Но лучше понять и почувствовать их страдания и разгадать их своеобразную тактику в желании получить легкую смерть в виде расстрела или повешения. И ради этой цели принимать на себя любое, даже абсурдное, с позиции здравого смысла, преступление. В этих случаях, когда человеком всецело овладевает апатия, безразличие к себе и окружающему миру, законы здравого смысла перестают действовать. И подсудимому страдальцу можно и нужно прощать все.

Итак, Худяков попал под жернова репрессивной мельницы. Что с ним творили мастера допроса, сказать трудно. Одно известно, что старались

они усердно, и начальство отмечало их успехи: капитан Лупекин еще в период следствия стал уже майором.

После категорического отказа при первых допросах в каких бы то ни было преступлениях против советской власти Худяков уже через несколько дней был вынужден подписаться под протоколом, в котором отмечалось: “Контрреволюционная деятельность нашей организации заключалась в культивировании вражды против руководства ВКП(б), в консолидации троцкистских и зиновьевских кадров, протаскивании троцкистской контрабанды в научных работах, в сокрытии этой контрабанды, как своей, так и других участников организации... Так, например, я лично редактировал и пропустил в печать книжку Пригожина “Маркс и проблемы социально-экономических наук”, в которой Пригожин протаскивал махровую троцкистскую контрабанду”. Таким образом, термин “контрабанда” из установочной статьи Сталина в журнале “Пролетарская Революция” переносится в следственное дело и становится основной формулой обвинения.

М.Г. Худяков “признавался” в том, что ему известно о существовании группы, состоящей из эстонцев и руководимой Пальвадре Я.К. “Об этом мне сообщил Пальвадре Яков. Он и его жена Пальвадре Марта в разговорах со мною высказывали контрреволюционные взгляды, делая клеветнические выпады против руководства ВКП(б) и Коминтерна”. (Архив Управления КГБ при СМ СССР по Ленинградской области. Дело 21766, т.1, л.15). “Быковский прямо заявил мне, что конкретной задачей нашей группы является подготовка террористического акта над Кировым... Я согласился с такой задачей группы, но выразил сомнение, что для совершения террористического акта над Кировым в нашей группе недостаточно людей, а поэтому и заявил Быковскому, что считаю состав группы расширить”. Следователь не удовлетворен ответом. Он требует расширить круг террористов и объектов террора. Худяков “признается”, что “лично был связан по террористической деятельности только с Быковским. Других участников террористической группы я не знаю. Со слов Быковского в начале 1935 года мне стало известно, что в Академии наук существует другая террористическая группа, в которую входил Бусыгин, и которая готовила террористический акт против Жданова”. (Бусыгин Александр Александрович - видный советский историк, заместитель директора Института антропологии и этнографии - К.К.). Но далее Худяков признается: “В контрреволюционную троцкистско-зиновьевскую организацию я завербован в феврале 1930 года. В эту организацию входят: Я-Худяков М.Г., Маторин Ник. Мих., Бусыгин Александр Александр-

рович - зам. директора Института антропологии и этнографии, Кошелев А. Ф. - бывший секретарь Академии истории материальной культуры” (далее перечисляются фамилии еще 16 человек). “Начиная с 1930 года по 1936 год включительно при встречах с Маториным и в дальнейшем с Быковским в различной обстановке я неоднократно вел разговоры о необходимости применения террористических методов борьбы против руководства ВКП(б) и прежде всего против Сталина. Кроме этого я - Худяков со слов Быковского знал, что контрреволюционная группа Академии наук с начала 1935 г. вела подготовку террористического акта над Ждановым. Мне также было известно о подготовке террористического акта над Ждановым террористической группой Быковского, в которой состоял я - Худяков. Я лично принимал участие в вербовке в террористическую группу Адрианова, который разработал план покушения на Жданова” (Архив Управления КГБ при СМ СССР по Ленинградской области. Дело №21766, т. 7, л.л. 59, 60, 61). По рассказу Худякова, “Адрианов собирался послать на имя Жданова письма по каким-то культурным вопросам (точно не помню) с тем, чтобы заинтересовать Жданова и добиться того, чтобы Жданов его принял. Во время этой аудиенции Адрианов предполагал совершить покушение на Жданова” (Там же. Т. 3, л. 21). Далее Худяков рассказывал о том, что “Жданова должен был убить Бусыгин А.А., т.к. он один имел пропуск на трибуну, где стоял Жданов во время первомайской или октябрьской демонстрации”.

Очевидно, он и сам удивлялся беспредельной фантазии своих мучителей, навязывающих ему умопомрачительные террористические действия. Притом, чем абсурднее, тем лучше. В списке, навязанном для признания в террористической деятельности, фигурировал почти весь цвет исторической науки СССР.

Нет сомнения, что Худяков понимал, что подписывает себе и ранее арестованным коллегам смертный приговор. Он наверняка был уверен в том, что они также показали все, что от них требовали палачи-следователи. Методы их воздействия не могли быть дифференцированными. Гребли всех одними граблями и заталкивали под одни жернова всепожирающего Молоха. К сожалению, он в этом не ошибался.

Адрианов Василий Степанович (1904-1936) уроженец г. Ленинграда, беспартийный, научный сотрудник Института антропологии и этнографии, как и остальные, сначала категорически отрицал свою принадлежность к террористической организации. Но через несколько дней он не выдержал испытание и признал: “Я являлся участником контрреволюционной троцкистско-зиновьевской группы, которую возглавляли Быков-

кий Сергей Николаевич и Худяков. Эта группа, насколько мне известно, стоит на позициях троцкистско-зиновьевской организации” (Там же. Т. 2, л. 70). “В контрреволюционную группу Быковского я обработан Быковским в марте-апреле месяце 1936 г. и завербован в эту группу Худяковым в это же время” (Там же. Т. 2, л. 72).

Итак, следствие окончено, все нужные признания получены, обвинительное заключение подготовлено. Но державный Кремль, пристально следящий за всеми процессами в Ленинграде, не доверил отправление суда над невинными жертвами местным юристам. У него для подобных процессов имела собственная спец. бригада преданных инквизиторов. Выездная сессия Военной Коллегии Верховного Суда под председательством печально знаменитого армвоенюриста В.В. Ульриха, которому для знакомства с “Делами” подобного рода было достаточно несколько минут, заседала недолго.

На суде Быковский и Адрианов свои предварительные показания изменили и заявили, что никаких террористических намерений они не имели, никаких действий не предприняли. Кипарисов признал себя виновным только в том, что разделял террористические намерения Пригожина и состоял в его группе. Совершенно странным было поведение Худякова, признавшего свои показания, данные на предварительном следствии. Выморочный внешний вид его и мифическое равнодушие к себе производили удручающее впечатление. Коллеги смотрели на него с сочувствием и сожалением. Было неясно, или Худяков, поняв свою неизбежную обреченность, сознательно готовился к последнему рубежу в жизни, или, находясь под воздействием психотропных средств, не понимал что происходит в этом закрытом зале. Он был сломлен и распят.

Примечателен по своему содержанию приговор суда. В нем отмечается: “Предварительным и судебным следствием установлена виновность Быковского, Худякова, Кипарисова, Адрианова в том, что они являлись активными участниками к.-р. троцкистско-зиновьевской террористической организации, осуществившей 1 декабря 1934 гт. злодейское убийство т. С.М. Кирова и подготовлявшей в 1934-1936 гт. при помощи агентов фашистского гестапо ряд террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского правительства, лично входили в состав боевой террористической группы, созданной Быковским в Государственной Академии истории материальной культуры и приняли участие в подготовке террористических актов в 1932-34 гт. против т. Кирова и в 1935-1936 гт. против т. Жданова, т.е. в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58-8 и 58-11 УК РСФСР”. На основании изложенного и руко-

водствуясь ст. 319 и 320 УПК РСФСР, Военная коллегия Верховного Суда СССР всех подсудимых приговорила к расстрелу.

Осужденные в ту же ночь были расстреляны. Самому старшему из них, Худякову, было 42 г., самому младшему, Адрианову - 32.

Небо над Ленинградом должно было содрогнуться. Но оно не слышало звуков выстрелов. В стране, что ни день, происходили жуткие события. 15 декабря газета "Правда" в помощь пропагандисту опубликовала статью "Правые отщепенцы - защитники реставрации капитализма", в которой заклеила позором Рыкова, Томского, покончившего в 1936 г. жизнь самоубийством, Каменева, расстрелянного 24 августа 1936 года по делу о так называемом "антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре", "двурушника" Сокольников Г.Я. Тоже арестованного, Угланова Н.А. - бывшего секретаря ЦК, исключенного из партии и арестованного в 1936 г., и многих других. 16 декабря, т.е. за три дня до этого трагического события, в передовой статье "Советский суд" "Правда" писала: "Сталинская Конституция еще выше поднимает престиж нашего суда, еще больше подчеркивает его народный характер, еще теснее связывает его с населением. "Судьи независимы и подчиняются только закону". В свете декларируемого принципа было совершенно непонятно, почему из большого списка обвиняемых и привлеченных по "Делу Быковского - Худякова" выбрали только четверых. Хотя необходимо подчеркнуть, что остальные тоже не избежали наказания. Их выделили в другие "Дела". Похоже, НКВД и советский суд преследовали цель раскрыть как можно больше подпольных террористических организаций в этом самом народе, к которому они "стали так близки". Странно и другое: после того, как Радек, Бухарин и Постышев были представлены в этом "Деле" как главные организаторы троцкистско-зиновьевской террористической группы, притом настолько опасной, что в отношении рядовых участников этой группы власть имущие считали необходимым применить высшую меру социальной защиты, т.е. расстрел, эти люди продолжали еще быть в верхних эшелонах власти почти два года. Логике такой иезуитской тактики понять невозможно.

Минуло более двадцати лет. Над страной прошел очистительный ветер XX съезда партии (1956). Началась реабилитация невинно репрессированных. 5 апреля 1957 года Военный прокурор отдела Главной военной прокуратуры подполковник юстиции Голобородько рассмотрел материалы дополнительной проверки и архивно-следственное дело по обвинению Худякова М.Г. и его товарищей-соратников. Никаких данных, подтверждающих их террористическую деятельность, обнаружено не

было. Примечательно, что Маторин, над которым велось следствие одновременно, никаких показаний против Худякова не дал. Хорошо отзывался о нем и Быковский: “Я подтверждаю, что с Худяковым у меня действительно были хорошие отношения” (Т. 2, л. 75). Прокурор Голобородько вынес заключение: следственное дело направить в Военную Коллегию Верховного Суда СССР – с предложением приговор Военной Коллегии от 19 декабря 1936 года в отношении Худякова и его товарищей отменить и дело о них в уголовном порядке прекратить по п. 5 ст. 4 УПК РСФСР. Верховный Суд под председательством полковника юстиции Борисоглебского, подполковников юстиции Озерова и Петровича 27 июня 1957 г. вынес решение-приговор: Военной коллегии Верховного Суда СССР от 19 декабря 1936 г. в отношении М.Г. Худякова и его товарищей “за отсутствием состава преступления в уголовном порядке прекратить”.

Что произошло с Михаилом Григорьевичем Худяковым за период следствия и суда, как с ним работали манипуляторы сознанием и поведением людей, облаченные государственной властью, как растоптали и распяли его честь, никто уже сказать не сможет. Но мы должны попытаться понять трагическую трансформацию его души. Он посвятил себя поиску исторических закономерностей развития человеческого общества, верил в высший разум, честность и порядочность государственных деятелей. Но то, что творили с ним и его соратниками властители, не укладывалось даже в простое человеческое понятие добра и зла. Прежде всего, он увидел тьму лжи и беспримерного лицемерия, беспредельную наглость, скотоподобие и зверство, утонченный разврат и политический блуд. Низменные люди топтали его, скручивали в узел, унижали словом и действием. Это расплатило его до предела возмущенный разум, привело в отчаяние, а потом - к апатии. Смерть была предпочтительней, чем та жизнь, которую устроили ему инквизиторы. И он, подобно библейскому герою, помог своим мучителям: самостоятельно поднялся на Голгофу, ценою жизни оплатив свою проявленную слабость и распятую честь.

Будем помнить его такого, каким он был в лучшие времена своей жизни, а именно, когда самозабвенно изучал и описывал историю своего родного края и его народа. Он отдал этому благородному и благодарному делу почти четверть века, начав еще с юношеского возраста. Не будь этого омерзительного и кошмарного времени, он прожил бы совсем другую жизнь: прекрасную, долгую и плодотворную. И каких бы он достиг успехов! Хотя необходимо признать то, что даже за короткий период своей жизни он приобрел славу ведущего историка удмуртского края и его народа. Кроме того, он был археологом, этнографом, фольклористом... Мно-

гие труды его и сегодня являются настольной книгой ученых Удмуртии, Марий Эл, Татарстана.

“Мертвые сраму не имут”. Душа его была чиста, прекрасна и невинна, пока не прикоснулись к ней черные и злобные силы. Такой она должна остаться на скрижалях Истории и в памяти благодарных потомков.

Будем также помнить о методах работы карательных органов и прилагать все усилия, чтобы они навсегда и бесповоротно канули в Лету. Чтобы больше никогда не возвращалось в нашу жизнь подобное мракобесие и человеческое уродство. Ведь до настоящей демократии нам еще так далеко, а лицемерие нынешних властителей развито не в меньшей степени, чем у тех, кто правил страной в те страшные года.

О роли Общества естествоиспытателей в распространении естественноисторических знаний в Казанском крае

М.П. Новикова,
зав. отделом естественной истории ИМ РТ,
г. Казань

Общество естествоиспытателей при Императорском Казанском университете было основано в мае 1869 года. Деятельность его была направлена на «разработку научных вопросов в приложении к исследованию восточной полосы европейской России в естественноисторическом отношении» (4, с. 7). Членами Общества изучались природные условия и ресурсы Казанского края и прилегающих территорий. Результаты исследований публиковались в издаваемых с 1870 года ежегодных «Трудах», которые рассылались по научным учреждениям, обществам, музеям и библиотекам России, Западной Европы, Америки.

Кроме научных изысканий, общество проводило огромную просветительскую работу. Так, на первом годичном заседании 12 мая 1870 года П.Ф. Лесгафт высказал мысль, что одной из главных целей общества есть, без сомнения, распространение естественноисторических знаний в крае, такая цель может быть достигнута публичными лекциями, устройством музеев, где наглядно можно познакомиться с данными, выработанными различными отраслями естественных наук (3, с. 27).